

К.А. Мозгов

Проблема богослужебного языка

Ведущаяся сегодня в Русской православной церкви дискуссия на тему языка богослужения побуждает нас обратиться к вопросам, почему в XXI в. мы снова сталкиваемся с сакрализацией богослужебного языка и к чему это нас ведет, а также что имеется в виду, когда речи идет о «понятности» богослужения.

Правомерно спросить, почему с проблемой богослужебного языка была совершенно незнакома апостольская церковь, со дня Пятидесятницы заговорившая сразу на всех языках — т. е. на языке каждого, к кому была обращена апостольская проповедь? Почему история церкви на славянских землях началась с подвига святых Кирилла и Мефодия, пришедших к людям с проповедью и книгами на их языке? Почему в истории Русской церкви мы чтим память свт. Стефана Пермского, свт. Иннокентия Московского и свт. Николая Японского, переведивших Писание и богослужение на зырянский, алеутский и японский языки соответственно? Почему, если признано, что вопрос богослужебного языка не является вопросом догматическим¹, современный человек, приходя в церковь, каждый раз сталкивается с языковым барьером?

Протопр. Иоанн Мейендорф писал: «Оставляю в стороне вопрос о богослужебном языке: тут в Православии не существует принципиальной трудности, поскольку православные миссионеры всегда

1. На Юбилейном Соборе митр. Филарет сообщил, что Синодальная богословская комиссия признала, что для сохранения особого языка богослужения нет никаких оснований: «Можно ли вообще считать оправданным, с точки зрения веры в Боговоплощение, то противопоставление сакрального и профанного языков, которое характерно скорее для нехристианских религиозных традиций?» (Доклад председателя Синодальной богословской комис-

сии Русской Православной Церкви митрополита Минского и Слуцкого Филарета, Патриаршего Экзарха Всея Беларуси на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви. Москва, Храм Христа Спасителя, 13–16 августа 2000 года // Официальный сайт ОБЦС. URL: <http://www.mospat.ru/archive/sobors/2000/373>) (дата обращения: 10.03.2011).

и везде переводили Священное Писание и богослужебные тексты на понятные данному народу языки»². Определение Архиерейского собора РПЦ 1994 г. гласит: «Собор считает исключительно важным глубокое изучение вопроса о возрождении миссионерского воздействия православного богослужения. В связи с тем, что развитие литургической жизни в нашей Церкви практически остановилось в первые послереволюционные годы, а большинство жителей наших стран безвозвратно утратило традиционную для прошлых веков культуру, представляется необходимым сделать более доступным их пониманию смысл священнодействий и богослужебных текстов, хранящих в себе величайшую боговдохновенную мудрость и могущих быть действенными средствами православного образования и воспитания»³. Но почему русский язык по-прежнему остается в исключительном положении?

У проблемы богослужебного языка много аспектов. Выделим лишь некоторые моменты. Трудно признать нормальной ситуацию, сложившуюся в современной Русской православной церкви, где единственным языком храмовой молитвы остается церковнославянский. Достаточно хорошо известно, чем это положение было обусловлено исторически, но сколько-нибудь убедительного ответа на вопрос, почему так должно продолжаться и дальше, до сих пор дано не было.

Многие связывают проблему необходимости перевода с пониманием (или непониманием) языка богослужения. Остановимся на этом подробнее.

Как можно увидеть из различных публикаций в СМИ и многочисленных дискуссий в Интернете⁴, вопрос о понимании современными православными церковнославянского языка — единственного языка, на котором совершается сегодня храмовое богослужение в Русской православной церкви, — остается одним из наиболее обсуждаемых. Это можно понять. Ведь если доказать, что церковнославянский язык может быть понятен простому носителю русского языка, вопрос о необходимости перевода

2. Мейендорф Иоанн, протопр. Об изменяемости и неизменности православного богослужения // Журнал Московской Патриархии. 1998. № 8. С. 66.

3. URL: <http://sobor.by/Opredelenie.php> (дата обращения: 10.03.2011).

4. См.: URL: <http://bogoslov.ru/text/300330.html> (дата обращения: 10.03.2011), URL: <http://www.kiev-orthodox.org/site/byauthor/70/?page=3> (дата обращения: 10.03.2011), URL: <http://www.kiev-orthodox.org/site/meetings/1113> (дата обращения: 10.03.2011),

URL: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=113362> (дата обращения: 10.03.2011), а также постоянно обновляющиеся дискуссии в «Живом журнале», см., например, URL: <http://community.livejournal.com/ustav> (дата обращения: 10.03.2011), URL: <http://community.livejournal.com/portal-besedka> (дата обращения: 10.03.2011) и многие другие.

богослужения на русский отпадет сам собой. И наоборот, доказав его непонятность, можно требовать неотложно приступить к такому переводу.

Но что имеется в виду, когда речь идет о понимании или непонимании церковнославянского языка, и что мы видим на сегодня в сложившейся в РПЦ ситуации?

Богослужебный язык очевидным образом отличается от языка повседневного общения. Этот язык, возникший в IX в. на основании солунского диалекта южнославянского языка, изначально является близкородственным, но не тождественным древнерусскому языку. Таким образом, даже если мы говорим о языковой материи как таковой, то очевидно, что без особой подготовки носителю русского языка понять церковнославянский, имеющий свою особую грамматику, лексику и во многом копирующий греческий синтаксис, невозможно. Например, развернутая система прошедших времен — аорист, перфект, имперфект и плюсквамперфект — в древнерусском языке была утрачена уже к XIII в., а особые формы двойственного числа — на пару веков раньше. Что же касается заимствований из греческого синтаксиса, то такая конструкция, как дательный самостоятельный, в русском языке вообще никогда не использовалась.

С другой стороны, ощущение инородности создается и заимствованной церковнославянским языком греческой поэтикой, поскольку первые тексты на только что созданном языке были в подавляющем большинстве переводами с греческого. Через возникшую в середине IX в. письменность на славян буквально обрушилась почти двухтысячелетняя греческая литературная традиция. Акад. В.В. Виноградов пишет: «Общеславянский письменный язык начало свое получил за пределами Руси. Он формировался из славянского языкового материала при посредстве высокой греческой литературной и филологической культуры». В основе ставшего литературным церковнославянского языка лежал язык староболгарский в его обоих диалектах — восточном и западном, с некоторой долей языка чехо-моравского, проникшего в него еще частью в самой Моравии в самом начале славянской письменности, а частью уже позднее, в X–XI вв., под пером учеников Кирилла и Мефодия, переселившихся в Болгарию после изгнания их из Моравии. На этом языке русские люди впервые восприняли книжную славянскую речь, которая, однако, была им вполне понятна. Каждый русский книжный человек мог усвоить этот язык, ставший для него языком литературным.

«Русская стихия с силой врывается в этот язык. <...> Таким образом, в эпоху Киевской Руси русский литературный язык быстро развивается в двух направлениях: язык народный обогащается художественным опытом книжной литературы, язык славяно-русский проникается стихией живой восточнославянской речи. Промежуточное положение между этими двумя разновидностями древнерусской литературной речи занимает деловой язык, язык грамот и договоров»⁵.

Созданная Кириллом и Мефодием письменность — единый для всех славян старославянский язык, а также его наследник — церковнославянский язык — на несколько столетий становится для славян языком культуры. Б.А. Успенский описывает эту ситуацию термином «диглоссия»⁶, который обозначает «такую языковую ситуацию, когда два разных языка воспринимаются (в языковом коллективе) и функционируют как один язык»⁷. Уже в XVI в. происходит разрушение диглоссии, а с XVII в. говорить о взаимоотношении двух языков в этих терминах вообще невозможно⁸. Попытки современное состояние церковнославянского языка в России описывать через понятие диглоссии выглядят совершенно искусственными, так как нарушены по меньшей мере два из трех основных условий: уже давно существует кодификация разговорного языка, поскольку у нас уже давно есть грамматика и многочисленные разнообразные словари русского языка, а также мы имеем параллельные тексты на русском и церковнославянском с одним и тем же содержанием, т. е. перевод стал в принципе возможен.

Как отмечает академик В.В. Виноградов, рознь между литературным книжным языком, объединявшим в своем составе три главных элемента — церковнославянский, греческий и русский народный, и между живым русским разговорным языком особенно резко обозначилась с XIV в. Пока в народном языке сохранялись древние формы, т. е. до XIII столетия, оба они находились еще в некотором равновесии и оказывали взаимное друг на друга влияние (о чем подробнее писал И.И. Срезневский). Ещё «в XVI в. осуществляется грамматическая нормализация московского

5. Виноградов В.В. Основные этапы истории русского языка // Виноградов В.В. Избранные труды: История русского литературного языка. М., 1978. С. 10–64.

6. «Диглоссия представляет собой такой способ сосуществования двух языковых систем в рамках одного языкового коллектива, когда функции этих

двух систем находятся в дополнительном распределении, соответствуя функциям одного языка в обычной (недиглосийной) ситуации» (Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка: XI–XIX вв. М., 1994. С. 5).

7. Там же. С. 6.

8. Подробнее см.: Успенский Б.А. Указ. соч.

письменного языка, который становится единым общегосударственным языком Московского царства. <...> Таким образом, московский приказный язык, почти свободный от церковнославянизмов, к началу XVII в. достиг большого развития и имел все данные для того, чтобы вступить в борьбу за литературные права с языком славяно-русским. <...> Русский национальный язык в XVII и XVIII вв. образуется на основе синтеза всех жизнеспособных и ценных в идейном или экспрессивном отношении элементов русской речевой культуры, т. е. живой народной речи с ее областными диалектами устного народнопоэтического творчества, государственного письменного языка и языка старославянского с их разными стилями»⁹.

При этом хорошо известно¹⁰, что тот извод церковнославянского языка, который ныне употребляется в Русской церкви, сформировался как раз в XVII в. и с тех пор не претерпел серьезных изменений, то есть он существенно отличается как от языка первых переводов — старославянского, так и от языка времен Сергия Радонежского или от того языка, на котором молился крестивший Русь князь Владимир.

Еще одним аргументом в защиту неприкосновенности церковнославянского языка является утверждение о его сакральности. Понятно, что в сферу противопоставления «сакрального — профанного» попадает не только язык. Любая религия предполагает различение сакрального и профанного, отделяя от мира повседневности с его деловой, но безразличной к вопросу спасения суетой «другую область, где его [человека] парализуют то страх, то надежда, где его, словно на краю бездны, может непоправимо погубить малейшая неточность в малейшем жесте»¹¹. По мнению Кайуа, «эти два мира — мир сакрального и мир профанного — строго говоря, могут быть определены лишь один через другой. Они взаимно исключают и взаимно предполагают друг друга»¹². При этом профанное должно избегать близости любых видов сакрального, а сакральное, в свою очередь, чтобы не потерять своих особых качеств, не должно сближаться с профанным.

9. Виноградов В.В. Цит. соч.

10. См., например: Успенский Б.А. Указ. соч. или Кравецкий А.Г., Плетнева А.А. История церковнославянского языка в России: конец XIX–XX вв. М., 2001.

11. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М., 2003. С. 151.

12. Там же.

Соприкосновение сакрального и профанного происходит через обряд, позволяющий освятить кого-либо или что-либо, вводя его в мир сакрального. Если в данном контексте вспомнить историю сосуществования церковнославянского и древнерусского языков, то в определенный период их взаимоотношения приобрели именно такой характер. Но с переходом от церковнославянской диглоссии к церковнославяно-русскому двуязычию нарушаются и признаки сакральности церковнославянского языка, пусть и с некоторой натяжкой, но бывшие в условиях диглоссии. Таким образом, даже с формальной точки зрения попытки придать церковнославянскому и сегодня статус сакрального языка ничем всерьез не подкрепляются.

Но ведь «нас, прежде всего, интересует понимание. Потому что от понимания идет просветление, от просветления идет благодать, от благодати идет спасение», — как утверждает доктор филологических наук В.М. Живов¹³.

Особенно остро вопрос о возможности перевода богослужения встал в начале XX в. в связи с подготовкой Поместного собора РПЦ, когда больше половины архиереев назвали в списке наиболее животрепещущих проблем непонятность богослужебного языка¹⁴. «Что поражает в дискуссиях той поры? Очень верное понимание того, что вопрос о языке — это не есть вопрос догматический, это не вопрос канонический»¹⁵. И хотя мнения расходились — от предложения радикального перевода всего богослужения на русский язык до минимального редактирования самых невразумительных и просто ошибочно переведенных мест, — практически все признавали, что перемены в богослужебных книгах необходимы. На самом Соборе, на заседаниях Отдела о богослужении, проповедничестве и храме, обсуждению этой проблемы было посвящено немало времени, и даже был учрежден особый подотдел о богослужебном языке¹⁶. Те десять тезисов подотдела, которые были одобрены и переданы по установленному порядку в Соборный совет по обстоятельствам времени рассмотрены на нем не были. Однако «передача не рассмотренного Собором по существу, а стало быть,

13. Кифа. 2008. № 3(77). С. 5. URL: <http://gazetakifa.ru/content/view/1572/139/> (дата обращения: 10.03.2011).

14. См. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе: В 2 ч. М., 2004. Кравецкий А.Г., Плетнева А.А. Указ. соч. С. 52–73.

15. Митрофанов Г., прот. Наше церковное сознание перестало быть историчным // Кифа. 2005. №11(37). С. 7. URL: <http://gazetakifa.ru/content/view/25/31/>.

16. Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. М. 2001. С. 135–147.

и не принятого доклада в ВЦУ означала, что Святейший Патриарх и Священный Синод могут по своему усмотрению и по мере надобности вводить в жизнь предложения отдела, но отнюдь не обязаны делать это»¹⁷. Видимо, именно этим руководствовался в 1930 г. патриарший местоблюститель митр. Сергей (Страгородский), разрешая о. Василию (в монашестве — Феофану) Адаменко из Нижнего Новгорода совершать богослужение на русском языке¹⁸. Этот пример показал, что, несмотря на несовершенство тех переводов, они помогают людям глубже и серьезнее участвовать в богослужении.

С новой остротой споры разгорелись в 90-е годы XX в., когда после долгих лет преследования со стороны государства Русская церковь обрела свободу и перед ней открылись новые возможности. В это время в церковь вошло много людей, незнакомых с церковной традицией и уж тем более незнающих церковнославянский язык. Как писал академик С.С. Аверинцев,

Ее [церкви] подлинный язык — не горделиво хранимое свое наречие, но речь, внятная спасаемым. Этим принципам верно прекрасное творение свв. Кирилла и Мефодия, навсегда наложившее неизгладимую печать на внутренний строй русского языка. ...Странно, что славянский литургический язык, созданный, чтобы возможно приблизить святыню к сознанию предков наших, ныне поддерживает дистанцию между этой же святыней — и сознанием потомков. Православные полемисты так часто корили католическую латынь, отстранявшую мирян от живого и сознательного участия в соборном литургическом служении; но вот уже и католики перешли к иной практике — а у нас все держится обязательность нашей «латыни»¹⁹.

При этом часто можно слышать, что именно сохранение в богослужении исключительно церковнославянского и есть верность Кирилло-Мефодиевскому наследию. Однако ряд фактов заставляет нас иначе смотреть на то, что мы понимаем под традицией просветителей славян. Как это ни странно, но сегодня против перевода богослужения на живой язык (причем именно русский, так как проблем с разрешением перевода на любые другие языки давно уже нет) вновь повторяются практически те же аргументы, что мы уже не раз встречали в истории.

17. Балашов Н., прот. Цит соч. С. 157.

18. Балашов Н., прот. Цит соч. С. 166.

19. Православное богослужение: Выпуск 1: Вечерня. Утренняя. Литургия св. Иоанна Златоуста: Перевод с греческого на русский язык. М., 2004. С. 6.

Сегодня «позиция Патриархии по обоим вопросам (церковного календаря и перевода богослужения. — К.М.) основывается в первую очередь не на принципиальном отвержении реформ, а на недопустимости провоцирования раскола. О том же, что раскол на такой почве возможен, свидетельствовал не только опыт XVII в., но и произошедший уже в XX в. раскол в Элладской Церкви из-за перехода на “новый стиль” календаря»²⁰.

Как мы знаем, ни в Болгарской, ни в Сербской церквях введение в практику богослужения на национальном языке раскола не породило²¹. Более того, в Сербии это принесло церкви новое вдохновение. Почему же тогда идеологическое пугало раскола по-прежнему парализует Русскую церковь?

Б.И. Сове писал: «Трагическое явление старообрядческого раскола, возникшего в связи с исправлением богослужебных книг при патриархе Никоне, настолько потрясло Русскую Церковь и запугало церковную власть, что с конца XVII в. прекращаются ее заботы об улучшении богослужебного текста, которые являлись традиционными с конца XV в. и выражались в многократном, можно сказать, почти непрерывном исправлении текста московскими справщиками — монастырскими старцами и протопопами в XVI и XVII веках»²². Однако надо учитывать, что в случае с патриархом Никоном действительно имела место реформа, проведенная весьма спорными методами и с не менее сомнительными целями. Долгое время бытовало мнение, что Никон лишь хотел исправить церковные книги не только по славянским, но и по греческим, и притом древним, спискам, чтобы устранить все вкравшиеся со временем прибавки и новшества, а также погрешности переписчиков. Как писал А.А. Дмитриевский, «общепринятой оставалась историографическая схема, содержащаяся в предисловиях к никоновским изданиям богослужебных книг». Но «...беспристрастный анализ новоисправленных книг, которыми Русская Церковь и славянские балканские Церкви пользуются до сего дня, сравнительное изучение их с греческими и старопечатными книгами, последние работы русских историков и литургистов в начале XX в. установили новые факты, неизвестные даже корифеям русской

20. Верховский А. Политическое православие: Русские православные националисты и фундаменталисты: 1995–2001 гг. М., 2003. С. 206.

21. Мозгов К. Современное состояние перевода богослужения на славянские языки: Доклад на

студенческой конференции «Сретенские чтения» // Кифа. 2009. № 6(96). С. 5.

22. Сове Б.И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX–XX веках // Богословские труды. Сб. 5. М., 1970.

исторической науки (например, Е.Е. Голубинскому), и показали дефекты справки²³. Никоновские справщики и их преемники, как выяснилось, не пользовались греческими “харатейными” книгами, как утверждало предисловие к Служебнику 1655 г. Привезенные в большом количестве (а на самом деле — не таком уж и большом, — см. Дмитриевский. Цит. соч. — К.М.) для справщиков с Афона Арсением Сухановым греческие рукописи не были ими использованы, обогатив лишь Московскую Патриаршую (Синодальную) библиотеку. ...Справщики разрешали задачу более просто, пользуясь печатными книгами, большей частью юго-западной печати»²⁴.

Еще одним принципиальным моментом, приведшим к столь острой реакции на реформу патр. Никона, было то, что она проводилась именно как реформа, «спущенная» сверху и обязательная для всех. Но что сегодня в Русской церкви препятствует разрешить существование богослужения по-русски? Пусть будет многообразие форм богослужения, в том числе в сфере языка. «Такого полного тождества церковно-богослужебной практики в церквях Православного греческого востока история христианской церкви и богослужения не знала и не знает до настоящего времени... Каждая церковь пользовалась своими чинами и может вырабатывать новые чины, вызываемые потребностями данного времени. Установить раз и навсегда определенные чины нельзя, как нельзя остановить развитие человечества»²⁵.

Как мы уже упоминали, догматических и канонических запретов на богослужение на любом языке в православной церкви не существует, поэтому нет ничего непозволительного в том, чтобы перевести богослужение на русский язык. Однако есть попытка более или менее рационального богословского обоснования сохранения существующего положения. Для этого приводятся, например, такие аргументы:

- а) славянский язык есть словесная икона; он должен быть признан такой же местночтимой святыней Русской Православной Церкви, как многие храмы и иконы;
- б) хранение славянского языка должно быть правилом Русской Православной Церкви; догматические основания для этого, в сущности, те же,

23. О том, откуда были заимствованы исправления, чье влияние они отразили, кто были основные «справщики» и какие цели преследовал сам патриарх Никон — см.: Дмитриевский А.А. Исправление

книг при патриархе Никоне и последующих патриархах. М., 2004.

24. Сове. Б.И. Цит. соч.

25. Дмитриевский А.А. Указ. соч. С. 28.

что и для иконопочитания... (Камчатнов А. Сакральный славянский язык в церкви и культуре // Радонеж. 1996. № 1).

И есть та же фетишизация, когда утверждается, что церковнославянский — это «особый мистический священный язык богообщения» (Беседа со священником // Черная сотня. 1996. № 33–34)²⁶.

В этом контексте важно указать на еще одно историческое несоответствие. В «Обращении Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия к клиру, Приходским советам храмов Москвы, наместникам и настоятельницам ставропигиальных монастырей на Епархиальном собрании 2007 года», опубликованном 28 января 2008 года на сайте www.patriarchia.ru, говорится:

Мы получили много письменных вопросов. На один из них отвечаю сразу — относительно «подготовки литургической реформы в Церкви», которой нет и быть не может. Те, кто порой высказывают частные мнения о том, что нужно перевести богослужение на русский язык, о чем в свое время говорили обновленцы, или предлагают сократить богослужение, забывают, что Церковь, ее уставы и правила вырабатывались тысячелетиями, и они должны свято соблюдаться. <...> Я призываю всех вас соблюдать наши православные традиции и не смущаться частными высказываниями людей, пытающихся вернуть нас во времена обновленчества.

Что касается обновленчества, то как раз для его идеологов русский язык вообще не представлял особого интереса, поскольку «живоцерковники» характеризовались прежде всего не реформами церковной жизни и уж тем более не стремлением к ее обновлению, а особенно тесной связью с государством (точнее, с НКВД)²⁷. Как известно, переводческая деятельность о. Феофана (Адаменко) ими как раз не была принята, а по возвращении в патриаршую церковь митр. Сергей (Страгородский) благословил его труды. Как пишет А. Кравецкий, «сам вывод о том, что обновленцы ничего не сделали для перевода богослужения на русский язык, является принципиально важным для истории литургической письменности»²⁸. Так что иначе, как недоразумением, привязку проблемы перевода богослужения к истории обновленчества назвать трудно.

26. Верховский Александр. Указ. соч. С. 210.

27. Об этом подробнее см., например: Балашов Н., прот. Цит. соч. С. 164–167.

28. Кравецкий А.Г., Плетнева А.А. Указ. соч. С. 181.

Какие можно сделать выводы из всего вышесказанного? Для многих священников и иерархов, ставших впоследствии исповедниками веры, еще в начале XX в. здесь все было очевидно.

Но главное, что свобода в выборе языка богослужения предполагает и определенную активную позицию в церковной жизни, и соответствующую ответственность за такой выбор. А это не позволяет окончательно закоснеть в устоявшихся — пусть и освященных веками — формах, часто к сегодняшнему дню уже теряющих свое истинное содержание.

Никто не предлагает делать буквальные переводы с церковнославянского. Это странно само по себе, так как оригинал в подавляющем большинстве случаев все же греческий, а потому только с него и нужно переводить — да и буквальные переводы вообще давно не считаются лучшим вариантом. И если перевод — дело серьезное и продолжительное, с чем спорить невозможно, то тем более стоило бы начать этот процесс не откладывая.

Движение литургического возрождения можно рассматривать как попытку возвращения к евхаристической экклезиологии, попытку собрать евхаристическую общину и поставить ее во главу угла. Это, безусловно, шаг вперед по сравнению с экклезиологией поместно-приходской или клерикальной, где нет и не может быть проблемы языка. Как только дух и смысл ставятся на первое место, как только свидетельство Духа становится выше свидетельства буквы, сразу возникает и вопрос о языке церкви, в частности, языке богослужения, поскольку этот язык сильно отстал.

Конечно, когда речь идет о необходимости ввести в богослужбное употребление живой русский язык, то, разумеется, никто не говорит о замене возвышенного церковнославянского бытовым (и лишь поэтому понятным) разговорным русским или корявым подстрочником. Эту подмену часто используют в своей аргументации сторонники неприкосновенности церковнославянского. Поводом для подобных рассуждений могут быть переводы, осуществленные еще в XIX в., например, проф. Е. Ловягиным, которые хотя и очень точно передают смысл, но не выдерживают стилистической критики и, конечно, не подходят для богослужбного употребления. Но тогда ставилась совершенно другая задача: богослужбные тексты переводились для того, чтобы все желающие могли их лучше понимать, но не для того, чтобы по ним служили в церкви. К тому же восприятие церковнославянского как языка «возвышенного» часто основывается именно на его непонятности при иллюзии понимания текста на основании

нескольких знакомых слов. Однако стоит отметить, что эстетический критерий, хотя в данном случае и, безусловно, важен, но никак не может быть признан определяющим. Для тех же, кто не может расстаться с церковнославянским языком, например, по эстетическим соображениям, должна оставаться возможность сохранения славянского богослужения. Принципиально важно, чтобы была возможность вводить в богослужение русский язык, формируя таким образом его особый литургический стиль. Как говорил акад. С.С. Аверинцев, «дерзновение — великая ответственность. Но возьмем ли мы на себя более тяжелую ответственность — не за дело, а за бездействие?»²⁹

29. См.: На церковнорусском языке // Кифа. 2008. № 6 (80). С. 4. URL: <http://gazetakifa.ru/content/view/1721/12/> (дата обращения: 10.03.2011).